

*Светлана
Ананьева*

ПОТАЕННАЯ МЕТАФИЗИКА СУДЬБЫ В ПРОЗЕ М. О. АУЭЗОВА

Концепция геокультурного пространства «не в полной мере принимает во внимание происходящие в мире глобальные изменения, связанные с размыванием культурных границ, кросскультурной коммуникацией» [1, с. 149].

Потаенная метафизика судьбы не только находит отражение в творчестве наших классиков, но и позволяет проводить параллели, расширяя культурные границы и приводя к интересным открытиям. Российский литературовед Н. А. Анастасьев в одной из своих последних статей «Толстой, Абай и другие» пишет об удивительном явлении, когда «в отсутствие прямых переключек и сколько-нибудь откровенного диалога протягиваются невидимые и неведомые связующие нити» между творчеством Л. Н. Толстого и Абая Кунанбаева. Внимательно сопоставляя «Круг чтения» Л. Н. Толстого и «Слова назидания» Абая Кунанбаева, «итог тяжелых раздумий о религии, этике, истории, бытии и быте», Н. А. Анастасьев прослеживает, как «сходятся не только мысли, ... но и формы мыслей, правда скрещение происходит в пространстве неэвклидовой геометрии» [2, с. 145].

Имагологические модели авто(биографического) нарратива, их сохранение / воссоздание в художественных текстах М. О. Ауэзова подтверждают тот факт, что в творчестве писателя, в его публицистике и эпистолярном наследии, безусловно, находят отражение факты биографии. В современной гуманитарной науке автобиографический нарратив воспринимается как опыт «когнитивного наложения культурных прототипов и нарративных форм на цепочку индивидуальных жизненных случаев» [3, с. 63].

Первые впечатления детства Мухтара Ауэзова связаны с Чингистаускими степями и горами. Сохранилось свидетельство того, что бабушка Динасил водила внука в юрту Абая, и знаменитый поэт, по-отечески погладив его по голове, пожелал доброго жизненного пути и большого счастья. В шестилетнем возрасте дедушка Ауэз (1830–1917) по рукописной книге стихов Абая стал обучать Мухтара и его дядю и ровесника Ахмета арабскому алфавиту. Дед, подражая учителям-муллам, держал учеников над книгой с утра до заката, и все выученное за день нужно было перед ужином прочесть ему и отцу наизусть.

В 1912–1913 учебном году Мухтар Ауэзов с наградой заканчивает первый класс учительской семинарии, а завершает обучение в Семипалатинской учительской семинарии в 1919 году. Преподаватели семинарии А. Сатпаев, И. В. Малахов, Н. Белослюдов, В. Белослюдов, Н. Е. Коншин, Н. Кульджанова, Н. Кульджанов, В. И. Попов, Н. Сулима-Грузинский, В. М. Морозов привили вкус к казахской

народной литературе и языкам, к русской и мировой классике, заложили основы знаний по основным отраслям.

В ученические годы Мухтар подолгу слушает воспоминания деда Ауэза, всего несколько годами старше Абая, о Кунанбае. На увлеченность М. О. Ауэзовым темой Абая, его творческого и жизненного пути автор данной статьи обратила особое внимание, работая над составлением биографии писателя по просьбе руководства Фонда М. О. Ауэзова.

В книге архивных документов «Неизвестное в наследии Мухтара Ауэзова» опубликована «Автобиография» писателя, в которой читаем: «...Приходилось читать о прошлом по памяти забывчивой, потускневшей у моих престарелых собеседников. Приходилось померкнувшее в них оживлять, освещать личными своими догадками, дошифровками. Нужно было обращаться с этими воспоминаниями, как запоздалый путник, ищущий огня, обращается с последним догорающим угольком давно угасшего костра ушедшего далеко каравана» [4, с. 21].

Неповторимый, образный стиль отличает прозу, публицистику и официальные документы, вышедшие из-под пера М. О. Ауэзова. Опыт художника и ученого М. О. Ауэзова соотносится с аксиомами семиологического мышления. Личный творческий код прозаика, стиль его мышления, сочетающий научный взгляд на мир и художественный, безусловно, нашли отражение в его творчестве. Патриархальный культурный космос, прошлое, обычаи, обряды, ритуалы в романе-эпопее М. О. Ауэзова «Путь Абая» осознаются как прошедшее, но очень важное для сохранения истории и культуры. При работе над романом-эпопеей М. О. Ауэзов «из жизнедеятельности поэта прошлого отбирал все то, что было дорого, памятно для последующей истории» [4, с. 21]. Тема первых двух томов – формирование личности и становление поэтического творчества Абая. М. О. Ауэзову удалось самое важное – раскрыть глубинную, недоступную для многих загадку и тайну судьбы великого Абая.

В 1945 году, в год столетия со дня рождения Абая, М. О. Ауэзов создает либретто оперы «Абай», сценарий художественного кинофильма «Песни Абая», новый вариант биографии Абая, пишет несколько статей о великом поэте, мыслителе, просветителе. В Москве выходит первая книга «Абай». В 1947 году опубликована вторая книга «Абай» на казахском языке, в 1948 году – обе книги на русском языке. В 1949 году роман удостоивается Государственной премии первой степени.

В 1959 году за диологию «Путь Абая» М. О. Ауэзову присуждена Ленинская премия. Почетный директор Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской Академии наук А. Б. Куделин считает роман казахского прозаика не только выдающимся литературным творением, но и замечательным в историко- и теоретико-литературном отношении сочинением, в котором ясно прослеживается изложенная художественными средствами концепция Ауэзова – ученого, которая дает верные ориентиры для определения значения творчества М. О. Ауэзова в контексте мирового литературного процесса.

А. Б. Куделин обращает внимание на то, что роман-эпопея буквально насыщен «именами сказителей, музыкантов, философов, писателей и ученых, исторических и государственных деятелей, предводителей народных восстаний и революционеров и т. д., героев фольклорных и литературных произведений, названиями легенд, сказаний, фольклорно-эпических произведений, литературных, исторических, теологических и прочих сочинений, литературными и фольклорными реминисценциями» [5, с. 25].

М. О. Ауэзов, словно сам раскрывая потаенную метафизику судьбы, подчеркивает очень важный факт: «Одновременно с художественно-творческой

деятельностью, как это началось еще со студенческих лет, я занимаюсь и научно-исследовательской работой» [4, с. 22].

Прозаик и драматург, переводчик-практик, он был и теоретиком художественного перевода. В семипалатинские годы М. О. Ауэзов переводит произведение «Будда» Л. Н. Толстого и публикует его в 1918 году в первом номере журнала «Абай». В Ташкенте в 1924 году выходят отдельной книгой «Рассказы о происхождении Земли» профессора Ю. Вагнера в его же переводе. В дальнейшем в творческом арсенале переводчика оказываются произведения У. Шекспира, Н. Гоголя, И. Тургенева, Дж. Лондона, Л. Толстого, Н. Погодина, К. Тренева и др. М. О. Ауэзов становится одним из авторитетных теоретиков художественного перевода.

В мае 1937 года состоялся первый пленум Союза писателей Казахстана, на котором с речью о драматургии, поражая широтой своих знаний о специфике жанра, выступил М. Ауэзов. Бесспорно, что к середине 30-х годов XX века М. О. Ауэзов – первая фигура в литературе Казахстана.

Важным научным трудом в плане осмысления и нового прочтения, воссоздания биографии М. О. Ауэзова считаем роман-эссе его ученика, академика Национальной академии наук Республики Казахстан, доктора филологических наук, профессора З. К. Кабдолова «Мой Ауэзов». Известный ученый-литературовед, теоретик литературы делился с автором данной статьи многими ценными мыслями, приступив к работе над рукописью художественного произведения. Идею создания романа-эссе подсказал в 70-е годы Ч. Айтматов. Они дружили, великолепные рассказчики, мастера художественного слова, образно и точно излагающие свои неординарные мысли, влюбленные в литературу.

Во время дискуссии 1952 года о монументальном эпосе «Манас», который М. О. Ауэзов начал изучать с 30-х годов XX века, казахский писатель страстно защищал его народность. Погружение в мир «Манаса» и казахского народного творчества – внутренняя эмиграция писателя. Об этом пишет Н. Анастасьев в книге «Трагедия триумфатора». «Пусть это увлекательное интеллектуальное путешествие обернулось крупными научными открытиями, а нужда превратилась в охоту и радость творчества, – изначально это было изгнание, поиск ниши, хрип уходящего от погони волка. Что же касается внезапного отъезда в Москву, – считает Н. А. Анастасьев, – в начале 50-х и последующего пребывания в столице, то это, хотя звучит, конечно, чистым абсурдом, была эмиграция в буквальном смысле слова: жить дома, в Алма-Ате, не представлялось никакой возможности» [6, с. 12]. Потаенная метафизика судьбы уводила писателя в Россию.

Таинство творчества таит много открытий, не случайно догадка художника освещает жизнь человека так, как не может осветить и объяснить ее наука. Проникнуть за кулисы театра абсурда дано не каждому. М. Ауэзову удалось раздвинуть, открыть вовне границы родной литературы.

Мера зрелости культуры – это мера ее готовности к диалогу, диалог между Степью и Европой «осложняется участием России, русской литературы с ее западно-восточной двуликостью». Алаш-ордынцы (А. Букейханов, А. Байтурсынов и др.) были подлинными плюралистами, людьми диалога межгосударственного, межкультурного, межконфессионального. М. Ауэзов жил разом во многих временах, унаследовав ценности, копившиеся веками: «Знание, уходящее в колодезь времени по вертикали, обогащалось горизонтально, на него наслаивались иные пласты, и близлежащие, и отдаленные». Узоры судьбы его были причудливы и непредсказуемы.

В книге Н. Анастасьева раскрыт реальный, трагический путь великого казахского писателя в контексте советской литературы, сняты клеветнические наветы, показано его умение углубляться в прошлое. Эссе о времени и судьбе М. О. Ауэзова раскрывает трагедию личную и народную, в особенности – казахской интеллигенции. Российский исследователь обнаруживает страшный парадокс: национальная казахская интеллигенция возникает в пламени социального взрыва. Главный герой книги – фигура трагическая, жившая в трагическое время но «время дано, и оно не подлежит обсуждению» [6, с. 8].

Художники-союзники, художники-единомышленники становились обвиняемыми и обвинителями. А некоторые менялись местами. Часто цитируется со слов А. Зегерс определение казахского классика: «человек-справка», точнее было бы, на наш взгляд, «человек-летопись».

В семипалатинской геометрии духа и просвещенности Н. Анастасьев видит линию, соединяющую Степь и Россию: Достоевский – Ч. Валиханов. Четыре года прожил М. О. Ауэзов в Ленинграде, «городе-призраке, городе двойников и монументов, сухих рационалистов и визионеров, городе, где, сталкиваясь, перемешиваются воды разных культурных потоков и традиций и где четкие линии уходящих вдаль проспектов смутно напоминают горизонталь казахской степи» [6, с. 58]. И если степь символизирует прозрачность, то город на Неве – призрачность. Интересно воссоздана литературная жизнь города, возникновение акмеизма и многое другое. И все это на фоне горизонтали проспектов и улиц, которая незаметно перетекает в вертикаль времени.

Работая над рукописью книги, Н. Анастасьев не раз посетил Семипалатинск, Алматы, бывал в Институте литературы и искусства имени М. О. Ауэзова, беседовал с литературоведами. Презентация изданной книги с большим успехом прошла в Казахском национальном университете имени аль-Фараби, в Доме-музее М. О. Ауэзова, в Национальной библиотеке Республики Казахстан. М. О. Ауэзова Н. Анастасьев образно называет Айвазовским степи и Чингисских гор, проводит удивительные параллели между его творчеством и творчеством У. Фолкнера, считая, что разворачивающаяся драма в казахской степи была страшнее американской последней трети позапрошлого века. И вновь сравнение с волком: любой значительный художник – одинокий волк.

Отсюда – потаенная метафизика судьбы в «Сером лютом». По природе художественного дарования М. Ауэзов – писатель эпический, что позволяет сравнивать его повести и рассказы с произведениями Э. Хемингуэя, Дж. Конрада с точки зрения изображения героя, пейзажа и т. д. Н. Анастасьев легко дарит темы будущих исследований творчества М. Ауэзова в контексте мировой литературы (Челкаш и Бахтыгул и др.). И как это ни странно, М. Ауэзов отходит от традиций Дж. Лондона, которому так стремился подражать, и приближается к У. Фолкнеру. Мощное эпическое звучание его произведений соседствует с тончайшей лирикой.

Содержание ранних вещей М. Ауэзова – исторический слом степной цивилизации и культуры. Роман «Абай» – это философия национальной истории. Очень важно понять фигуру М. Ауэзова, выросшего на скрещивании трех культурных традиций: Степи, Руси и Запада.

Художнику, подчеркивает Н. Анастасьев, «не из чего творить красоту, кроме как из недоброй тяжести самой жизни, не из чего создавать гармонию, кроме как из мучительной дисгармонии самой жизни, не из чего лепить форму, кроме как из бесформенности летучего дня». В этом состояла трагедия триумфатора, невыносимое бремя радости творения.

Книга Н. Анастасьева, в которой естественно и убедительно показано мировое значение и фундаментальное величие М. О. Ауэзова, дружеское осмысление пути нашей культуры, по словам М. М. Ауэзова, подвигает к осмыслению важнейших проблем XX века. Без этой книги о жизни и творчестве М. Ауэзова невозможно написать следующую, потому что в ней передано личное обаяние казахского классика, шаг за шагом воссозданы основные этапы работы М. Ауэзова над романом-эпопеей «Путь Абая», затронуты и проблемы художественного перевода.

Проза М. Ауэзова счастливо соединила в себе объективность старой классической прозы (О. Бальзак – Ч. Диккенс – Л. Толстой) и резко выраженную субъективность новой прозы. Луи Арагон проводил параллели между творчеством и манерой письма М. Пруста и М. Ауэзова. Стиль письма М. Ауэзова по построению фразы, по преобладанию развернутых синтаксических конструкций ближе стилю Л. Толстого. Сам писатель был уверен, что многому он научился у И. С. Тургенева.

У каждого из авторов исследований *свой* Ауэзов. Концепты *свой, иной, другой* позволяют раскрыть имагологический дискурс, имагологическую модель биографического нарратива.

В 1998 году за роман-эссе «Мой Ауэзов» З. Кабдолов удостоивается Государственной премии Республики Казахстан. В романе-эссе воссоздана история жизни главного героя – М. О. Ауэзова, который оберегал тех, кого любил, от последствий травли и ареста. В 1921 году по незаслуженному обвинению писатель признан националистом и осужден. М. О. Ауэзов расторг свой брак с внучкой Абая – Камеш, чтобы не бросить тень на любимую. Трагические страницы жизни своего педагога воссоздает З. Кабдолов.

Произведение З. Кабдолова, раскрывающее творческую лабораторию великого писателя и его значение для мировой литературы, занимает исключительное место в ряду книг, монографий и научных исследований. Студентом политехнического института, будущий академик-литературовед с интересом слушал лекции писателя в КазГУ имени С. Кирова. Произошла судьбоносная встреча. Студент встретил не только своего будущего педагога, но и наставника, впоследствии потечески опекавшего молодого ученого. По окончании университета, в который перевелся студент Кабдолов, его оставили работать на кафедре казахской литературы, тогда-то и завязались личные контакты известного прозаика и молодого преподавателя.

З. Кабдолов был глубоко уверен в том, что именно М. О. Ауэзов первым продемонстрировал миру всю мощь, красоту, пластичность и полифоничность казахского художественного языка, способного выразить тончайшие оттенки, любые грани эстетического и философского переживания.

Высочайшая оценка была дана академиком НАН РК З. Кабдоловым вкладу М. О. Ауэзова в мировую литературу в докладе ученого на Международной научно-теоретической конференции к 100-летию М. О. Ауэзова «М. Ауэзов и мировая литература XX века»: «Абай – могучая скала казахской литературы XIX века. Ауэзов – вершина казахской литературы XX века. Для этих двух великанов мысли и разума не существует временных барьеров. Они будут шагать из эпохи в эпоху, из века в век. Абай во все времена Абай, и Ауэзов – также. М. Ауэзова и М. Шолохова объединяет сила и красота таланта. Абай не только поэт-художник, но и философ-мыслитель в общечеловеческом масштабе. Талант Ауэзова как писателя, педагога, ученого развивался и ввысь, и вглубь, и вширь. И такая монолитная целостность не могла не привести Ауэзова к Абаю и Абая к Ауэзову, тем самым проложив золотой мост между двумя гениями» [7, с. 57].

Метафизика судеб позволила состояться встрече педагога и любимого ученика. Дар слова объединял М. О. Ауэзова и З. Кабдолова.

Проблемы поэтики художественного произведения, актуальные вопросы художественного перевода интересовали З. Кабдолова не только с точки зрения теории. Вслед за своим великим Учителем он переводит на казахский язык произведения русских классиков А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и других писателей, прозаиков XX века В. Закруткина, Л. Кассиля, В. Добровольского и т. д.

Весной 1953 года в Московском университете была создана первая в Советском Союзе кафедра литератур народов СССР. Профессор М. О. Ауэзов по просьбе заведующей кафедры Мединэ Искандеровны Богдановой читает увлеченно лекции по казахской литературе. М. О. Ауэзов постоянно подчеркивает особую роль научных институтов и высших учебных заведений в систематическом изучении литератур народов СССР, подготовке кадров исследователей, критиков, переводчиков и преподавателей. Об этом продолжал заботиться З. Кабдолов, возглавляя кафедру теории литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби.

Главным писательским капиталом академик НАН РК З. Кабдолов считал неповторимость, стилистическое своеобразие и идиоматичность языка. Именно они теряются при переводе. Но перевод необходим, так как именно он служит делу общения и взаимообогащения литератур и культур.

Метафизика судьбы словно предопределяла синтез писательского мастерства и оптику взгляда на родную литературу ученого-литературоведа. Ценны выступления М. О. Ауэзова на Первой конференции ученых-востоковедов в Ташкенте в июле 1957 года, на конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте в 1958 году, на Первой конференции солидарности народов Азии и Африки в ноябре 1960 года в Душанбе и на XXV Международном конгрессе по востоковедению в августе 1960 года в Москве. Выступления М. О. Ауэзова всегда оказывались в центре всеобщего внимания. Судьба казахской литературы точно вписывалась им в историю всего мирового литературного движения и давала возможность оригинального толкования ее тенденций. Так, в Москве были заранее розданы тезисы его доклада «О традиционном и новаторском в казахской советской литературе». Резюме доклада было изложено академиком В. М. Жирмунским на немецком языке.

Зарубежные поездки были чрезвычайно важны в плане творческого обогащения новыми темами, впечатлениями, встречами, в итоге – публиковались статьи, сохранились дневниковые записи. В январе 1956 года М. О. Ауэзов посещает в составе делегации советских писателей, возглавляемой К. Фединым, Германию. Выступает на IV конгрессе писателей ГДР в Берлине, встречается с Анной Зегерс. С группой советских писателей в 1960 году посетил США.

В монографии Института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова «Казахско-американские литературные связи: современное состояние и перспективы» прослежено развитие жанра путевого очерка в творчестве М. О. Ауэзова и М. М. Ауэзова. Отец и сын открывают Америку в совершенно разное время, но удивительно совпадают конструкции фраз и построение предложений, стилевые особенности письменной речи. «Идея жанровой свободы является доминирующей, пронизывает все уровни художественной структуры “путешествия” и закрепляется в его конструктивной основе как принцип свободного, бессюжетного повествования. Мотив дороги выступает концептуальным звеном публицистических текстов М. М. Ауэзова “Невада” и “От Калифорнии до Нантукета”, раскрывая и подытоживая связь времен в творчестве М. О. Ауэзова и М. М. Ауэзова, метаморфозы времени и проблему взаимного видения народов» [8, с. 250].

«Я имел удовольствие в текущем году (1960 год. – С. А.) побывать в Соединенных Штатах Америки в составе писательской делегации нашей страны, – пишет М. О. Ауэзов. – Хотя за срок месячный, что называется, не объездишь, не объемишь такую великую, необъятную, многообразную и богатейшую всеми своими данными страну, тем не менее я вывез большие подробные записи в своем писательском дневнике» [8, с. 251].

В марте 1961 года, вторично посетив Индию, М. О. Ауэзов принял участие в работе III Международного конгресса в защиту мира в Дели в составе делегации под руководством Н. Тихонова. В июне планировал побывать в Великобритании, на родине Шекспира...

Разделяя точку зрения А. А. Смирнова по поводу того, что «любой текст вне вопроса о его художественности, аксиологичности есть всего лишь точка пересечения самых разнообразных дискурсов» [9, с. 22], считаем, что воссоздание биографии писателя, поэта, публициста, драматурга, каждой творческой личности – дело ответственное, поскольку позволяет показать жизнь и творчество в контексте той исторической эпохи, в которую жил и творил ее главный герой.

Современные исследователи открывают новые способы «психологического исследования и истолкования» [3, с. 64] авто/биографий. 2022 год – год юбилейный в судьбе М. О. Ауэзова. Безусловно, будут новые научные доклады, исследования по его творчеству, многие факты будут прочитаны в том числе и в контексте имагологических моделей авто/биографических нарративов, позволяющих прикоснуться к потаенной метафизике судьбы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Касаткин П. И. Культурное пространство: аксиологический аспект // Проблемы культурологии. 2017. № 4. С. 145–153.
2. Анастасьев Н. Толстой, Абай и другие. Примечания к «Кругу чтения», «Словам назидания» и еще нескольким сочинениям того же рода // Простор. 2020. № 7. С. 140–155.
3. Сапогова Е. Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. Т. 1. № 2. С. 63–74.
4. Ауэзов М. Автобиография // Неизвестное в наследии Мухтара Ауэзова. Архивные документы. Алматы: ИД «Библиотека Олжаса», 2013. С. 18–22.
5. Куделин А. Б. Поздравление // Мемориальному Дому-музею М. О. Ауэзова – 50 лет! / сост. А. Калиаскарова. Караганда, 2013. С. 24–26.
6. Анастасьев Н. Трагедия триумфатора. Алматы: Атамұра, 2007. 250 с.
7. Ананьева С. В., Мамраев Б. Б. Международная научно-теоретическая конференция «М. О. Ауэзов и мировая литература XX века» // Ананьева С. Встречи, которые выбрали нас. Алматы: Школа XXI века, 2004. С. 57–62.
8. Ананьева С. В., Мамраев Б. Б. Проза независимого Казахстана в контексте казахско-американского культурного трансфера // Казахско-американские литературные связи: современное состояние и перспективы / отв. редактор С. Ананьева. Алматы: Әдебиет Өлемі, 2016. С. 237–265.
9. Смирнов А. А. Функция компаративистики в современном литературоведении // Сравнительное литературоведение: теоретический и исторический аспекты. Материалы Международной научной конференции «Сравнительное литературоведение». М.: Издательство МГУ, 2003. С. 17–22.

